

Новое об Артуре Хоминском (письма к М.П. Алексееву)

© 2022, А.Л. Соболев

Независимый исследователь, Москва

Аннотация: В статье впервые публикуются материалы творческого наследия Артура Сигизмундовича Хоминского (1888 — после 1917) из архива академика М.П. Алексеева. А. Хоминский — киевский поэт и прозаик, автор пяти сборников стихов и прозаической книги «Уют Дженкини» (1914). Он называл себя основателем «Общества А. Блока» в Киеве, но в собственных творческих экспериментах порой был гораздо радикальнее мэтра русского символизма. Вместе с М. Алексеевым, поэтом М. Рыльским он был организатором литературоцентричного кружка «Киевских антропофагов», существовавшего в 1914–1915 гг. Письма Хоминского Алексееву помогают раскрытию неординарной творческой личности автора и содержат интересный материал к характеристике киевской литературной жизни 1910-х гг. В приложении публикуются новые стихотворные и прозаические тексты А. Хоминского.

Ключевые слова: биография писателя, литературные общества и кружки, творческое наследие, литературный авангард 1910-х гг., А. Хоминский, А. Блок, М.П. Алексеев, публикация архивных документов.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев — независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com

Для цитирования: *Соболев А.Л.* Новое об Артуре Хоминском. (Письма к М.П. Алексееву) // Литературный факт. 2022. № 1 (23). С. 164–181. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-164-181>

В заглавии этой заметки есть что-то тавтологическое: как любое движение с Северного полюса поневоле направлено на юг, так, по сути, всякие биографические сведения, сообщаемые о поэте Артуре Сигизмундовиче Хоминском, окажутся, за редким исключением, новыми. Предварительный очерк его жизнеописания был обнародован нами в 2013 г.: тогда удалось предварительно определить

год его рождения (1888), найти единственное его упоминание в педагогических летописях (он значился среди выпускников Киевской первой гимназии) и осторожно предположить, что он приходится внуком вологодскому губернатору С.Ф. Хоминскому [3, с. 388–393; 4, с. 187–193]. Тогда же были напечатаны два его письма к А.А. Блоку:

1.

Глубокоуважаемый Александр Александрович!

Простите меня за мою дерзость, но я, как молодой, начинающий поэт и основатель в Киеве скромного общества Вашего Имени — должен был рано или поздно обратиться к Вам, чьи стихи были для меня именно «Нечаянной радостью» в моей слишком серой и унылой жизни и пробудили во мне то щемящее и жуткое осознание тоски, которое мы, грустные избранники, чувствовали и чувствуем всегда при приближении Ее, Неуловимой и Вечно-Милой Софии, тысячи страниц я мог бы писать о том, чем Вы были для меня, что я пережил, читая Ваши книги, но зачем? Вы, может быть, не захотите пробежать взглядом и эти тихие строки, когда в жизни Вам расточали несравненно более хвалебные дифирамбы.

Тем не менее было бы для меня несказанным Счастьем получить от Вас хотя бы несколько строчек, хотя бы одну только подпись на белом листе — в ожидании еще сильнейшего Счастья, когда я, быть может, скоро явлюсь в Петербург выразить Вам лично свое <бес?>предельное¹ восхищение.

Остаюсь нижайшим из Ваших почитателей всегда в восторженном поклонении

Артур Хоминский

Почта Наровля Минской губ., ул. Наровля

3 февраля 1912.

[3, с. 390]

2.

Киев 13 марта 1912 г.

Глубокоуважаемый Александр Александрович!

Мне было очень тяжело встретить в Петербурге с Вашей стороны такое нежелание лично уделить мне несколько минут, тем более, что таковая встреча для Вас была бы не слишком обременительной (знал я, что Вы никого не принимаете, но полагал быть счастливым исключением т.к. наши письма друг другу могли бы оказаться силь-

---

¹ Текст оригинала поврежден.

нее болезни и „нелюдимости“ с Вашей стороны), для меня она была бы апофеозом лучших воспоминаний о Вас.

Но таковому свиданию не суждено было исполниться и, само собой разумеется, в дальнейшем никаких попыток к какому-либо общению предпринимать не буду, т. к. считаю Ваше обращение со мной странным и незаслуженным, если не сказать некорректным и диким.

Пребываю, как всегда, в совершенном почтении

Артур Хоминский.

[3, с. 390–391]

За прошедшие годы этот скромный набор пополнился двумя группами материалов. А.С. Слащева разыскала записи в метрических книгах, свидетельствующие о его крещении (так, кстати, была установлена точная дата: 5/17 января 1888 г.), а также впервые сообщающие имя его матери, Францишки Горватт, умершей через месяц после рождения сына². В 2018 г. Б. Цымбал на текстологической конференции в Москве обнаружил фрагмент мемуаров неназванного лица, где описывался литературный кружок «Киевских антропофагов», сложившийся вокруг юного М.П. Алексеева, будущего историка литературы и академика³: одним из основателей этого кружка был назван Хоминский.

В 2021 г. Александра Андреевна Поляновская, внучка М.П. Алексеева, разбирая семейный архив, пригласила автора этих строк взглянуть на материалы Хоминского, отложившиеся среди других бумаг, относящихся к киевскому периоду биографии фондообразователя. Вклад Хоминского состоял из пяти писем, нескольких книг с автографами, одного стихотворения и одного прозаического отрывка. Значение их для биографии поэта феноменально: даже не беря во внимание, что известный нам корпус его эпистолярия разом увеличился втрое, сам реестр сообщаемых в них сведений поистине бесценен: мы узнаем не только его киевские адреса (часть которых еще предстоит прокомментировать), но, например, впервые слышим о его пребывании на фронте или о роли дяди, богатого киевского домовладельца Э.А. Горватта, в его судьбе. Среди поневоле огорчительных последствий этого приращения данных — крепнущая убежденность в том, что 1917 г. он вряд ли пережил: доза морфия, упоминаемая в последнем из писем, если и не смертельна сама по себе, то явно свидетельствует о лавинообразно нарастающей наркотической зависимости.

² Сейчас все эти сведения внесены в превосходную статью о Хоминском в русской Википедии.

³ Текст доклада известен нам в пересказе А.С. Слащевой.

Материалы печатаются полностью, без изъятий. Письмо № 1 начертано на визитной карточке Хоминского (содержащей только фамилию и имя: без адреса и телефона); № 2 и 5 на бумаге верже прекрасной выделки; № 3 на бумаге в клетку большого формата; № 4 на листе тетради в линейку; тексты, печатаемые в приложении — на почтовой линованной бумаге. К эпистолярному комплексу примыкают хранящиеся в том же собрании четыре его книги: «Счастье» (Звенигородка, 1913), «Обман» (Звенигородка, 1913), «Моя осень» (Киев, 1914) и «Уют Дженкини» (Киев, 1914) с одинаковыми инскриптами «Дорогому другу М.П. Алексееву от автора», врученные в один день 17 декабря 1914 г.

Пользуемся случаем принести глубокую благодарность А.А. Поляновской за доступ к семейному архиву, А.С. Слащевой за консультации и Н.Б. Василевской — за помощь в расшифровке франкоязычного фрагмента.

А. Хоминский — М. Алексееву

1914 или 1915? Киев

Дорогой Михаил Павлович! Примите мои наилучшие пожелания (экз.)¹. Жалею, что не застал дома. Пришел к Вам проститься, т. к., ввиду невозможности дольше оставаться (деньги) в Киеве, уезжаю сегодня же в Чернобыль, где проведу несколько неопределенных дней, пока не начнется работа². Будьте добры, передайте О<бщест>ву К<иевски>х А<нтропофаго>в мой привет и пожелания³. Жму Вашу руку. До скорого и радостного свидания. Вам преданный Артур Хоминский.

Вероятно, буду на Горыне⁴. Попрошу С.В.Х.⁵

---

¹ Вероятно, имеется в виду экзамен или экзамены: в 1914 г. Алексеев закончил гимназию Киевского общества содействия среднему образованию (ранее гимназия В.П. Науменко) и поступил на историко-филологический факультет Киевского университета.

² Как следует из письма 3, Хоминский оставил свою состоятельную семью и зарабатывал на жизнь собственным трудом; никакие подробности нам неизвестны.

³ Таинственное, хотя и не вовсе безвестное киевское литературное общество. Кроме автора, адресата и еще нескольких лиц в него входил впоследствии знаменитый поэт М. Рильский, писавший в автобиографии 1914 г.: «В гімназії приятелює з Мих. Алексеєвим (тепер — дослідник історії літератури) та ін. З. Алексеєвим Рильський засновує напівжартівливе Т-во «антропофагів» — поетів, митців і т. п. Рильський — єдиний там представник української поезії — здебільшого мовчить, зате естетствують Вол. Маккавейський, Зуммер, Фореггер та інші» (Рильський М. Зібрання творів у двадцяти томах. Т. 19. Київ, 1988. С. 9).

Заятно, що назвине кружка зажило собственою жизнью, обрастая фантазийними подробностями, ср.: «Екстравагантні божевілля Бодлера принадними здались в свій час і для Р<ильського> й, подібно першому, покладавши радість свою в тому, щоб драгувати філістерське суспільство, й свою гордість, щоб здаватись одіозним, він запропонував в свій час гуртку літер. молоді м. Києва назватись антропофагами. Ми пам'ятаєм, як колись, років 8–9 тому назад, один студент розповідав нам про цей гурток київської л<ітератур>ної молоді, й свідчився, що в цьому гуртку антропофагів молоді гурмані, купуючи в Анатомічному] Театрі, людське м'ясо, заказують із нього котлети для своїх вечер» [2, с. 107].

⁴ Река, протекавшая по территории Волынской и Минской губерний.

⁵ Неизвестное нам лицо. Можно осторожно предположить, что это Синк<литикия?> Васильевна Хоминская, значащаяся в справочнике «Весь Киев» на 1916 г. в качестве жительницы д. 2/35 по ул. Павловской.

2. А. Хоминский — М. Алексеєву

1915. Киев.

Дорогой Михаил Павлович!

Узнав от М.Н. Мухина¹, что Вы приехали, решаюсь воспользоваться Вашим любезным приглашением. Буду у Вас в 6 ½ час. вечера. Ваш А. Хоминский. 1915.

¹ Неизвестное нам лицо.

3. А. Хоминский — М. Алексеєву

6 октября 1916. Киев

Адрес квартиры: Львовская 10, кв. 83¹,
для писем: Главная почтовая контора (на Крещатике)
до востребования.
Киев. 19.6.10.16.

Глубокоуважаемый Михаил Павлович — мой милый, молодой друг!

Письма, которые до него не дошли...

Целое сочинение, целая книга — не помню, какого автора². Здесь же только два-три послания, мною писанные. Они не были никогда на Фундуклеевской 52 кв. 17³.

Однажды я хотел обратить Ваше внимание на малознакомое сочинение Марлинского: (кажется, Вы работаете над ним⁴, «над» ли?): «Личность и творчество Михаила Алексеєва (1896 (?) – 1979)»⁵. Были весьма дельные замечания, обоснованные советы, и т. д.

Простите, если невосдеянно <sic!> скажу Вам «ты». За последнее время я пишу только «ей» одной:

«Но для тебя, для сильно милой,
Палаты, замки и миры
Из ничего я создал силой
Своей игры.
С тех пор к иному средоточью
Душа идет, в иной предел —
Пьянила радость, радость ночью...
Так я хотел!
Загадки, сказки и молитвы,
Слова восторженной хвалы —
Острей отточеннейшей бритвы,
Острей иглы.
Тебе — восторги вдохновенья!
Узоры вязи неземной
И фантастические звенья
Тебе одной!»⁶

Нет цензуры, но есть доказательства, что именно я написал Уют Дженкини⁷.

Ах, Уют Дженкини! Я не знаю, со мной что делается! Все кричу о своем закате (Миранова⁸ беззакатная), что мой расцвет был 1909–1913, а вдруг в 1915 я, старая обезьяна, собака паршивая, дрянь абсолютная, последний из прохожих на мировой улице кончил 8-ой рассказ, написал великолепный по акции (действию, фабуле) и психологии 9-ый рассказ: «Там взлеты птиц в начале мая» и снова вихрем носятся образы для 10-го, последнего «Дженкинский лес и Дженкинский Уют»⁹. Будет апофеозом. Начинается так: девушка пела на реках, где темно. (Птичь?¹⁰ Горынь?) А кончается... Ах, какой конец цикла... Радостный, бриллиантово-сияющий. В тайниках Уюта было много-много сил, бездна жизнерадостности, живучести, счастья, как возможности.

Возможно, что последним не будет 10-ый, а 15-ый, 20-ый, т. е. что всю жизнь буду писать об Уюте, ведь я живу, чтобы грезить о нем, чтобы люди постигали невозможное. Моих переживаний не узнает никто, после моей смерти. Я совершенно бесплоден, как Зина Дорн¹¹ — она отдавалась всем, но детей не имела. Если есть дрянные Киевские поэты, читающие «под Хоминского», то нет никого, переживающего под него. Маккавейский¹² был абсолютно прав, когда называл меня: *Taedii Tubicen ultimus* (тоски бытия последний трубач) (в акростихе А-р Х-ий):

Арифмометр тревог, плененный хворой лирой,
 Работорговцу душ^I нетрезвого вчера^{II}
 Ты отвечал затем кивком главы двудырой,
 Усыновляя ложь. Бессилен веера
 Рдяных Аврор сокрыть за сукнами шатра
 Хамелеон Ноябрь, потом, где «сердцу сыро»,
 Отмежевав погост, ты все же тайно вырой
 Могилу для луны единой, что добра^{III}.
 И словно некий Лир, надев гнездо вороны^{IV}
 На голую^V главу, вменяя суете
 Скитальную искать дорогу в пустоте^{VI},
 Кочевья предпочтя несправедной короне^{VII},
 Ионовой судьбы не избежишь ироний
 И ты, во чреве тьмы взывавший о ките!

В. М-а-к-к-а-в-е-й-с-к-о-м-у — тоже 14255букв, *resp.*¹³ я отвечу ему сонетом (диагональным, амфибрахическим). И Вам М-и-х-а-и-л А-л-е-к-с-е-е-в. 6+8=14. А ей: Л-+-±-а Н-+-±-+-±-+-±-+-±-а. 4+10=14¹⁴. (+ = гласная, ± = согласная). Всякие «имя и фамилия» можно «подогнать» по 14. В «ее» случае вместо «святыцевого» имени надо взять уменьшительное.

И в письмах, и при встречах я Вам мог бы сказать много-много. Ведь с трудом (у меня все является последствием рассуждений) додумавшись до идеи общества, именуемого глупым именем «Антропофагов»¹⁵, общества несуществующего, Вами созданного (слава Вам) и Вами убиенного (стыд Вам), могущего, при легком аромате масонства (оно рождалось, *sic!*) и еще более легкой возможности «компилятивного усовершенствования», олицетворить, *resp.* дать намек, если не О.С.Н.П. (Общества Стояния на Перекрестках)¹⁶, то, во всяком случае, чего-то немножеченечко <*sic*> «внемирного»²⁵⁵— я радовался бы пьяной, несказанной радостью, расцвел бы «стыд-

^I Н. Mallarme (здесь и далее подстрочные примечания принадлежат А.С. Хоминскому).

^{II} 1854–1898.

^{III} Я не желаю рыть луне могилу, не желаю, да и только!

^{IV} Ого! я не согласен.

^V Глава, *resp.* башка у меня всегда стрижена под 000.

^{VI} Я бы сказал скитальные... к п–те.

^{VII} Эту фразу я понимаю так: загрязненному владению 4000+3900+2544/3 десятинами отцовских угодий я предпочел скитания в пределах бывшего Киевского генерал-губернаторства.

ливо раскрывающимся золотистым цветком»¹⁷, озарил бы и стал бы озаренным чрез людей, кем-то (В.М.¹⁸) названных «без воспитания, без средств и без таланта», а мною горячо любимых именно потому, что в них я видел сосенок, не «подрубленных под смолистый корень»¹⁹, а являющихся намеками, прообразами того, к чему я не могу прийти, ибо я слишком стар, 40 годами умом, опытом и *taedium*’ом старше вас всех, того, что я (подчеркиваю слово: «я») называю «воспитанием». На самом же деле «прекрасные возможности» сменились идиотской наркотизацией (*pantheon*’ную²⁰ радость я ревниво переживаю один, запершись, ибо радость = 10 рублям: одному 10 рублей, а, поделившись с кем-нибудь, уже каждому по 5255 рублей) и тем, о чем, в числе иных, я хочу Вам в настоящих бледных внутреннем смысле, фиолетовых снаружи, строчках сказать, очень прося Вас, глубокоуважаемый Михаил Павлович и дорогой друг, не обидеться и выслушать меня, т.е. принять мою платформу (о как люблю я это слово):

Я ненавижу, проклинаю то, отчего я стараюсь как можно реже с Вами видаться, то, что необходимо, по-видимому, при каждом визите к Вам, то состоящее из 7 букв (одно «н», два «а» — самого слова не скажу) понятие. Одним словом то, что было всегда, было вчера, и будет вечно. Видите ли, не сердитесь, я не слушаю указаний жизненных того круга людей, из которого происхожу (польское дворянство), но даже это последнее учит, что то, проклятое, не «принято». *Passé encore, si Vous étiez dans les mêmes conditions, que moi, c’est à dire, si Vous n’étiez pas marié — je pense, que Vous l’êtes, — si Vous n’aviez pas de parents — ça, c’est la chose principale — alors Vous auriez le droit de proposer a nous tous d’aller chez Francis. Mais, ayant en vue le status praesens <sic!> — ça me choque toujours terriblement, et pardonnez moi — voulez Vous bien me pardonnez, comment ai je l’audace de Vous le dire, mais, après tout, j’évite de regarder en face M-lle Nathalie Pavlovna, car, il me semble, qu’elle comprend ma position maladroite, resp. que je suis obligé de non refuser. Ni un quart d’heure de vains efforts de comprendre, pourquoi Vous voulez y allez, ni la colère elle même, en un mot rien ne peut m’expliquer, est-ce indispensable, est-ce que sans ça Vous n’etes pas visible ?.. Et puis, le coté pécuniaire de l’affaire! Je ne dis rien de vos hôtes, je ne suis pas dans leurs poches, et le contenu de leurs porte — monnaie’s ne m’interesse pas du tout, mais, voyez Vous, je me nourris maintenant par diverses combinaisons avec le Mont-de-Piété (ломбард), et, ayant une famille richissime, qui n’aime pas à penser à moi, resp. m’aider, j’ai une difficulté énorme de faire, comme Vous tous. Ça se voit, que je ne veux pas Vous voir portant toutes*

les dépenses quoique je proposais Vous rappeler vous; mais le mieux, c'est de ne pas le dire. Mais, si Vous êtes habitué a ça, et sans la chose, il vous est difficile de recevoir quelqu'un de Vos camarades, je tâcherai, pour l'avenir, de Vous voir en solitude, et de n'arriver jamais le jour, quand Vous avez quelqu'un chez soi. Encore, une fois, je Vous prie très humblement de me pardonner ma (on) hardiesse; pour cette cause j'ai déchiré maintes lettres, car, involontairement, j'accoste l'affaire, si inutile, si incompréhensible, si desagreable pour moi. Seulement, je voudrais savoir, est ce que ça Vous amuse, est ce que notre conversation reçoit quelque grain de sel, est-elle plus piquante, plus animée, plus spirituelle au... dehors²¹. I think, that your sweet-home is the best of all, that in your little room, full of books, our talking can be pretties, deepest... T-is enough!²²

В. Маккавейский не замечает других. Для меня ближняя личность дебри, в которых я люблю, слишком люблю блуждать. Именно, обоюдное «вытаскивание кишочек» души заставило сперва «ее» полюбить меня, затем затянуло меня. Именно затянуло. Ее слова: Ваша любовь ко мне затянула, а не захлестнула Вас. Конечно взаимным упрекам нет конца. Все письма уничтожены, но тянувшаяся с февраля «вязь» была кружевом, узором красоты несказанной, 29 % которой были для меня чувствами неопределенными. Из них-то началась моя любовь (ее из переживаний мистического свойства в ветреный летний вечер, когда низкие, свинцовые тучи плывут над закатными чарами вишневых садов; в прозрачности единственного октября, тихом и жутком умирании природы, которые (переживания) рождались из моих «совершенных» стихов, и в ее раннем отношении, перед моим длительным отъездом на фронт, чувство некоей безысходности заставило ее, тревожно подошедшую ко мне, жать и ломать мои руки. Пришла какая-то странная, непонятная, звериная душой, вошла в мою душу, забрала в ней все, уничтожила мою ежедневную правильность, расписание дня и породила в вечности не кончаемую работу для ума и роскошь для тела. Для меня, все, как казалось, пережившего, испытывавшего, знавшего, беспомощно встречавшего октябрь природы и души!

Примите выражения моих лучших к Вам чувств.

Артур Хоминской <sic!>.

---

¹ Этот адрес принадлежал Эдуарду Артуровичу Горватту, дяде Хоминского по материнской линии. Из его усадьбы в Наровле Хоминский в 1912 г. писал А.А. Блоку.

² Имеется в виду книга Э. фон Гейкинг «Письма, которые до него не дошли» — популярнейший в начале XX в. немецкий роман, вышедший анонимно (первое русское издание: СПб.; М., 1904).

³ Адрес квартиры Павла Петровича Алексеева, отца М.П. Алексеева, инженера-железнодорожника и крупного киевского домовладельца.

⁴ Алексеев действительно занимался в юности исследованием личности и творчества А.А. Бестужева-Марлинского (см.: [1, указат.]. Ср. в стихотворении М. Рылского: «А друг мой Миша Алексеев / Мне вслух Марлинского читал» (*Рылский М.* Сочинения. М., 1962. Т. 1. С. 95; пер. Н. Ушакова).

⁵ Хоминский любил подобного рода прогнозы, предсказав, в частности, себе в своем романе 1957 г. смерти. В действительности Алексеев прожил на два года дольше обещанного, скончавшись в 1981 г.

⁶ Вероятно, это собственное стихотворение Хоминский цитирует в романе: «И жизнь ему казалась роскошной сказкой, “у ног давно и сильно милой”» [4, с. 68].

⁷ Роман Хоминского (Киев, 1914).

⁸ Имя героини «Уюта Дженкини».

⁹ Оба этих текста нам неизвестны.

¹⁰ Река Минской губернии.

¹¹ Имя героини «Уюта Дженкини».

¹² Владимир Николаевич Маккавейский (1893 или 1891–1920?) — поэт. Довольно подробный обзор библиографии посвященных ему исследований собран в заметке о его прижизненных изданиях (URL: <https://lucas-v-leiden.livejournal.com/310409.html>). Приводимое ниже стихотворение печатается впервые.

¹³ От лат. *respective* — соответственно.

¹⁴ Диагональный акростих — весьма редкий тип русского стиха. Анонсированные Хоминским сонеты нам неизвестны, равно как и имя той, которую он обозначает инициалами Л.Н.

¹⁵ См. примеч. 3 к п. 1.

¹⁶ Еще одна отсылка к «Уюту Дженкини».

¹⁷ Источник цитаты не установлен.

¹⁸ Вероятно, тот же В.Н. Маккавейский.

¹⁹ Из «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» Лермонтова.

²⁰ Применявшееся в медицине наркотическое вещество на основе алкалоидов опия.

²¹ Добро бы, Вы находились в тех же условиях, что и я, то есть не были бы женаты (а я думаю, вы женаты) и не имели бы родителей — это принципиальная вещь — тогда Вы имели бы право позвать всех нас к Франсис. Но, учитывая [мое] нынешнее положение — это меня по-прежнему страшно оскорбляет — и, простите меня, пожалуйста, простите, что я осмеливаюсь Вам это сказать, но, после всего, я избегаю смотреть в лицо Наталье Павловне, поскольку мне кажется, что она понимает неловкость моего положения и то, что я вынужден соглашаться. Ни четверть часа тщетных попыток понять, почему вы хотите туда пойти, ни сама по себе ярость, одним словом, ничто не может объяснить мне, почему это необходимо — или без этого Вы невидимы? А потом еще денежная сторона дела. Я ничего не говорю о Ваших гостях, я не лазал по их карманам и вовсе не интересуюсь содержимым их кошельков, но, видите ли, ныне я пробаляюсь исключительно перегонами с участием ломбарда, хотя и имею богатейшую семью, не желающую думать обо мне, *gesp.* [соответственно] помогать мне — и мне невероятно трудно жить так, как все Вы. Конечно, я не хотел бы переложить все расходы на Вас: впрочем, лучше не говорить об этом. Но если Вы привыкли к такому и без этого Вам трудно принимать кого-то из своих товарищей, я буду стараться в будущем заставить Вас в одиночестве и никогда не приходить, когда у Вас есть кто-то дома. Еще раз смиренно прошу Вас простить мне мою смелость;

по этой причине я порвал множество писем, поскольку невольно я узнал о чем-то, столь бесполезном, непостижимом и неприятном для меня. Только я хотел бы знать, может быть, Вас это забавляет, а наша беседа приобретает какую-то изюминку, становится пикантнее, живее, одушевленное... за дверями дома (*фр.*). Не все реалии этого отрывка поддаются комментарию: так, мы не знаем Франсис (хотя по аналогии с одноименным парижским заведением можем предположить существование киевского «chez Francis», не попавшего в адресные книги). Наталья Павловна Алексеева (в замуж. Горбунова; 1898–1998) — театральная художница, сестра М.П. Алексеева. В своих ненапечатанных воспоминаниях она кратко упоминает о дружеском кружке брата: «В саду собирался студенческий клуб, здесь стоял садовый стол и 3 скамьи, где собирались друзья Миши и занимались своими увлечениями, литературными спорами. Лучший друг Миши Максим Рыльский, впоследствии известный украинский поэт. Другой друг Андрей Грабар, впоследствии профессор Парижского университета. Бывали здесь и знаток литературы Саша Попов, и скульптор Хижняк, и пианист Гольдштейн, и много других друзей. Говорили и горячо спорили о литературе» (собр. А.А. Поляновской).

²² Я думаю, что ваш милый дом лучше всего, и что в вашей маленькой комнате, полной книг, наши разговоры могут быть самыми лучшими, глубокими... Этого достаточно (*англ.*).

4. А. Хоминский — М. Алексееву

10 февраля 1917. Киев

Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Павлович!

Не откажите, горячо Вас прошу, принять от меня официальное доказательство моего Вам долга — вексель на 25 рублей — сумму, которую, верьте, я Вам, действительно, должен до близкого времени, когда с благодарностью смогу Вам ее отдать.

Горват¹, которого я во время его краткосрочного пребывания в Киеве не видел, распорядился выкупить из ломбарда на его счет наинужнейшие мои вещи (зимнее пальто, белье, костюм), но денег для меня не передал. А это хуже всего. К тому же свободной комнаты в его доме для меня нет, и я нечеловеческими усилиями должен оплачивать номер в гостинице по 2 руб. в сутки.

У меня в целости и сохранности находится Ваше, одолженное мне, пальто. Оно мне очень-очень нужно сейчас. (Действительно). Если Вы прикажете Вам его сейчас отдать — я это сделаю, но, если Вам оно не к спеху нужно, то прошу подождать. Когда оно Вам будет нужно?

Об этом покорнейше Вас прошу известить меня по адресу: Киев, Главная Почтовая Контора (на Крещатике) до востребования Артуру С. Хоминскому.

Остаюсь в наиболее горячих к Вам чувствах Артур Хоминский.
Киев 19.10.2.17.

P.S. Придется ли мне когда-нибудь работать у Вас (библиотека)?

<Приложение:>

Вексель на 25 руб.

Город Киев 9-го февраля 1917-го года.

По сему векселю повинен я заплатить Михаилу Павловичу Алексееву, или кому он прикажет, двадцать пять рублей (25 руб.) в срок им, М.П. Алексеевым, назначенный.

Артур Сигизмундович Хоминский

---

¹ Почти наверняка — Э.А. Горватт (см. примеч. 1 к п. 3).

5. А. Хоминский — М. Алексееву

3 мая 1917. Киев

Киев, Львовская 10 кв. 79

19.3.5.17.

Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Павлович!

Получив настоящее письмо, Вы меня проклянете... Но что ж? Наиругательнейшие слова все же будут слишком слабыми. К величайшему прискорбью, я должен сознаться, что невольно я Вам нанес огромный урон. От сегодняшнего дня постараюсь как-нибудь его возместить.

У меня, вместе с другими вещами (квитанция ломбардная на одеяло, белье и т.д.) украли Ваше пальто! В период, когда мое жалкое имущество путалось между Львовская 5, Караваевская 18 и местечками (я забыл название) в Подольской и Волынской губ., когда отсылали, переносили и т.д. мои вещи, исчезло оно. Не знаю, какими словами я должен у Вас просить прощения, умоляю на коленях Вас не предавать этот случай огласке, ибо он может получить тягостное для меня толкование. Клянусь Вам, его у меня украли, (благодаря моей рассеянности, безалаберности). Я глубоко виноват перед Вами, не могу заслужить извинения. Назначьте цену — если не хотите, я уже назначил и буду частями высылать Вам — первый взнос пошлю завтра. Прошу у Вас прощенья, и быть может, чем-нибудь смогу загладить свою вину перед Вами.

Я не могу говорить о внешнем, о мировом, оно слишком ужасно. Ждать, только ждать.

Михаил Павлович! Не встречайтесь со мной, а если увидите, то назовите подлецом и плюньте в рожу. Я — беспредельный подлец, ибо волнами 2-х % раствора опиатов я залил огонь, некогда горящий в груди, уничтожил бессмысленно эту «вышину исключительных сверхчеловеческих переживаний», на которую всходила моя тре-

вожная душа. А если в такие незабываемые минуты и оставалась частичка моего физического, обыденного я, то мне было страшно. Кружилась голова на такой высоте.

Теперь «низкие, свинцовые тучи над закатными чарами вишневых садов»¹ — для меня ничто. Михаил Павлович! Вы молоды, знаете ли Вы эту жуткую тревогу в пасмурный день, невыразимое, сладчайшее ощущение, дуновение чего-то, неизмеримо давно забытого, когда уткнешь лицо в красное сукно (Уют Дженкини, стр. 88) и нюхаешь запах дороги, ожидания, прохладной, широкой лестницы и золотого, никогда не существовавшего детства...?

Все умерло, все кончено. Остались morphine muriatici 0,8 pro die², сознание бесцельности, и стыд. Я плачу.

Все кончено. Что делать? Биться, кричать, умолять, чтоб меня ударили, каяться, иль дальше тянуть цепь неспрадных дней, впрыскивать и молчать, молчать без конца? Что делать?

Простите, если можете, простите. Я могу пойти к кому угодно, но как меня встретят? А Вы, Вы, Вы «это» знаете?

¹ Вероятно, автоцитата. Эта же фраза встречается и в письме 3, и в печатаемом ниже прозаическом фрагменте.

² Соли морфия... в течение дня.

Приложения

* * *

Тайная, тихая, темная
Ты под туманным плащом
Жизнь бесконечно бездомная
Сон о великом ничем.

Годы не двинутся заново
Молодость канет, дразня
Нежная Diva — Миранова¹
Ты убаюкай меня.

Под золотой диадемою
Темная ночь залегла
Душу влекла ты во сне мою
Пламенем дивным сожгла

В лунных полях необъятности
Дремлет Дженкинский Уют
Где о твоей беззакатности
Хором согласным поют.

Весь озарен небылицами
Мертвенный зритель пути
Месяц двурогий над птицами
Знаю, мне надо идти.

Ночью, стеною безвольною
Вдаль по лесистым горам
Где над тоской колокольною
Непочивающий храм.

Дышит предвечною усладою
Синяя сень алтаря,
Над золотой анфиладою
Грустно восходит заря.

Тихая радость забудется,
Нету ни песен, ни слов,
О неужели не сбудется
Мир голубеющих снов?

Ночью, в бреду, у истока я
Знаю, клянусь и люблю,
Только прими, темноокая,
Эту молитву мою.

* * *

Вообще, это было бессмыслицей.

Дома, нагроможденные, чтобы забыть пламенную цель слияния с природой, а над ними — царящее «понятие об абсолютно собачьем холоде».

Я жил напротив зоологического сада и порой наслаждался воздушным и детски-наивным обманом.

Тоскливыми вечерами на решетки под высокими и спокойными соснами не садились летние павлины — одни лишь неясности прилетали откуда-то из глубины мертвых садов и траурно перекликались со своими подругами — вечными узницами.

Была надпись: Ulula v. Sygnium aluco², дар такого-то, и дальше: просят не кормить и не беспокоить животных.

На уклонах серыми пластами лежала странная, тоскливая жуть. Она не таяла от лучей солнца. Солнца не было, свивались неозаренные дни.

Недалеко от выхода вновь начинались проблески города, отвратительные, низенькие домики, чуть-чуть видные из моего окна. В одном из них по недоразумению поместилась мастерская часовщика. В окнах красовались дешевые до смешного будильники с музыкой, местной работы. Вверху пьяная рука присяжного маляра изобразила на жести часы, каких теперь никто не носит. Стрелки, во вкусе 18-го века, показывали 27 минут второго... 27 минут второго чего? дня или ночи?

От них пролегалась серая нить к моим кошмарам.

Мне снились каменные площадки, одна над другой. Они соединялись по ветру качавшимися лестницами, и, задыхаясь, царапая ногтями по мертвому граниту, я взбирался наверх, чтоб отыскивать каких-то товарищей, никогда не существовавших политехников. И люди, принимавшие меня за вора, сильно и долго хохотали внизу.

И вдруг — великолепный Grand Hotel. Двое шикарных юношей приглашали меня к себе. С ними я говорил без конца о правильных осмысленных утренних занятиях и, приходя на другой день, узнавал, что нас всех заключают в тюрьму за кражу часов, где стрелки застыли на 27-ми минутах второго. Воры! ах, опять воры!

Я просыпался, тревожно глядел на свои, потом на те, далекие, часы и везде улыбалось то же неумолимое, жестокое время.

Широко-открытыми глазами глядя в полумрак, я дожидался утра, такого, как и раньше, и знал, что где-то, в степи, под саваном грустных снегов, скучают обрывы и, громыхая цепью, томится лихой волкодав.

Наступал день.

За стеной моей комнаты влюбленная в современность курсистка тихо декламировала стихотворение — пролет Сологуба:

Ты печально блистала
Среди ярких подруг...³

.....

Она читала только для себя. И казалось, что за этим стихотворением в сборнике должно следовать что-то еще более совершенное. И действительно, это было великолепное: Звезда Маир...⁴

Мне доставляло мучительно острое наслаждение часами лежать в одиночестве и грезить о былых годах моей молодости, отошедшей в вечность.

О приволье необозримых лесов, плавающих в прозрачной осиянности осеннего дня, где в жуткой тишине я погружался, спешил, задыхаясь с бьющимся сердцем, чтоб встретить ту, которая должна была прийти из синевы этого единственного октября и убаюкать меня дремотной истомой свершившегося чуда.

Я знаю, она придет; я каждую осень торопливо ишу ее по лесам, по холодным утчным заводям, по откосам, там где слишком ранние утренники раскинули свое легкое, играющее серебро.

Я грезил о летних вечерах, то ветреных, когда низкие, свинцовые тучи плывут над закатными чарами вишневых садов, то фиолетовых до невозможного, когда из-за скалистых берегов над рекой, великолепно, как на картине, поднимается громадная луна, такая ясная, такая золотая... Кажется, она это делает нарочно.

В моих воспоминаниях мелькали однообразно серые люди. Я их не люблю... Они ушли в трясины быта, которого не надо, потому, что все загадки давным-давно решены.

Но природа отомстит, восторжествует над человеком. Она заманит его в безбрежный простор, в чистое поле и там доконает, в конец изведет мукой несказанной, лаской нежно-жестокой, как счастьем сознания о свершившемся чуде...

Киев. 4-го марта 1915.

Листы в самодельной обложке, на которой рукой автора написано: «В редакцию журнала “Геммы” от Артура Хоминского (Михайловский проулок 28 кв. 14)». Журнал этот в свет не вышел.

---

¹ См. примеч. 8 к п. 3.

² Неясность.

³ В оригинале «Ты печально мерцала...».

⁴ Сологуб много и охотно менял композицию своих сборников, благодаря чему легко выяснить, какой из них был в руках героини: стихотворение «Звезда Маир сияет надо мною...» следует после «Ты печально мерцала...» лишь в первом томе собрания сочинений — либо издательства «Шиповник» (СПб., [Б. г.]), либо издательства «Сирин» (СПб., 1913).

Литература

1. Михаил Павлович Алексеев. [Биобиблиография ученых АН СССР] / вступ. ст. Ю.Д. Левина; библиография составлена Г.Н. Финашиной. М.: Наука, 1972. 128 с.
2. *Петров В.* Розвідки: у 3 т. / упорядкування, передмова та примітки: Вячеслав Брюховецький. Київ: Темпора, 2013. Т. 1. 594 с.
3. *Соболев А.Л.* Летейская библиотека. М.: Трутень, 2013. Т. I: Биографические очерки. 496 с.
4. *Хоминский А.* Возлюбленная псу. Полн. собр. соч. / изд. подгот. А.Л. Соболев. М.: Водолей, 2013. 200 с.

Research Article and Publication of Archival Documents

New Materials about Arthur Khominsky (His Letters to Mikhail P. Alexeev)

© 2022. Alexander L. Sobolev
Independent researcher

Abstract: Arthur Sigismundovich Khominsky (1888 — after 1917) was a Kyiv poet and prose writer, the author of five poetry collections and a prose book “The Comfort of Jenkin” (1914). He called himself the founder of the “Alexander Blok Society” in Kyiv, sometimes being more radical in his own creative experiments than Russian symbolism Maitre. Together with Mikhail P. Alexeev and the poet Maxim F. Rylsky they organized the literary group “Kyiv Anthropophages”, which existed in 1914–1915. The article and comment are attached to the publication of Arthur Khominsky’s creative heritage from the archive of Alexeev who became an Academician later. Hitherto unknown Khominsky’s letters to Alexeev as well as his poetic and prose texts not only help to complete his image as an extraordinary author but contain interesting facts about literary life of the 1910s.

Keywords: writer’s biography, literary societies and groups, creative heritage, literary avant-garde of the 1910s, Arthur Khominsky, Alexander Blok, Mikhail P. Alekseev, publication of archive documents.

Information about the author: Alexander L’vovich Sobolev — independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com

For citation: Sobolev, A.L. “New Materials about Arthur Khominsky (His Letters to Mikhail P. Alexeev).” *Literaturnyi fakt*, 2022, № 1 (23), pp. 164–181. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-23-164-181>

References

1. *Mikhail Pavlovich Alekseev. (Biobibliografiia uchenykh AN SSSR)* [Mikhail Pavlovich Alekseev. (Biobibliography of Scholars of the Academy of Sciences of the USSR)], introd. by Iu.D. Levin; bibliografy compiled by G.N. Finashina. Moscow, Nauka Publ., 1972. 128 p. (In Russ.)
2. Petrov, V. *Rozvidki: u 3 t.* [Explorations: in 3 vols.], vol. 1, comp., foreword and notes by V. Briukhovets'kii. Kiïv, Tempora Publ, 2013. 594 p. (In Ukrainian)
3. Sobolev, A.L. *Leteiskaia biblioteka [Lethan Library]*, vol. I: Biograficheskie ocherki [Bibliographical Essays]. Moscow, Truten' Publ., 2013. 496 p. (In Russ.)
4. Khominskii, A. *Vozliublennaia psu. Polnoe sobranie sochinenii [Beloved to a Dog. Complete Works]*, ed. prep. by A.L. Sobolev. Moscow, Vodolei Publ., 2013. 200 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 09.12.2021
Одобрена после рецензирования: 15.01.2022
Дата публикации: 25.03.2022

The article was submitted: 09.12.2021
Approved after reviewing: 15.01.2022
Date of publication: 25.03.2022